

Неизвестный автор

**Древне-церковно-славянский
язык**

Введение. Фонетика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 80
ББК 81-5
Н45

Н45 **Неизвестный автор**
Древне-церковно-славянский язык: Введение. Фонетика / Неизвестный автор –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 136 с.

ISBN 978-5-458-66473-8

ISBN 978-5-458-66473-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

не стерлись совершенно, и болѣе тѣсное родство между ними, бывшее единство безъ труда можно установить научнымъ путемъ и въ настоящее время. Мало того: перемѣщаясь съ территоріи прародины на новыя мѣста, говоры эти очень долгое время еще находились въ сношеніяхъ другъ съ другомъ,—а сношенія поддерживаютъ единство,—долгое время сохраняли прежнюю картину взаимныхъ отношеній; удивительнымъ образомъ, современные отношенія между словянскими языками соотвѣтствуютъ тѣмъ отношеніямъ между ними, которыя можно предполагать встарину въ виду данныхъ историко-географическихъ.

Языки—болгарскій, сербскій и словинскій въ настоящее время обнаруживаютъ взаимную близость въ такой мѣрѣ, которая позволяетъ думать, что говоры: болгарскій, сербскій и словинскій были на словянской прародинѣ ближайшими сосѣдями.

Примѣчаніе. Ср. однообразную вокализацию звуковыхъ сочетаній, соотвѣствующихъ русскому полногласію (серб. болг. брада, слов. brada=русс. борода), слоговые г, l въ соотвѣствіи русскому ор, ол (въ словахъ *горло, волкъ* и т. п.), твердые гласные въ положенія предъ гласнымъ е (въ русскомъ смягченные: небо и т. п.); совпаденіе въ законахъ развитія количества между сербскимъ и словинскимъ языками, а съ другой стороны нѣкоторыя сходныя явленія ударенія и количества въ болгарскомъ и словинскомъ.

Русскій языкъ нѣкоторыми своими чертами сближается съ болгарскимъ, иными съ польскимъ.

Примѣчаніе. Русское сонъ (род. сна) и западноболгарское сон; болгарскій постпозитивный членъ (гостѣтъ, главата) и то-же явленіе въ великорусскихъ говорахъ: крикот, избата, маслото и т. п. ср. Изв. 1901, № 3, 139 и сл. Съ польскимъ русскій сближается, напримѣръ, въ смягченіи согласныхъ предъ е (пол. niebo, но чеш. nebe), въ судьбѣ праслов. слоговыхъ г, l (р. горло, пол. gardło, чеш. hrdlo, серб. грло), также въ словарномъ отношеніи.

Точно такъ-же чешскій языкъ съ одной стороны образуетъ одну группу западно-славянскихъ языковъ съ лужицкимъ, польскимъ и кашубскимъ (поморскимъ), сближаясь съ ними въ цѣломъ рядѣ пунктовъ.

Примѣчаніе. Ср звуки с, dz (или упрощеніе его z) на мѣстѣ праслов. tj, dj (русское ч, ж: *ночь, межа*), непосредственное смягченіе губныхъ согласныхъ (пол. ziemia, чеш. země=русс. земля), kv—gv (русс. дв, зв) и др.

Съ другой стороны, однако, чешскій языкъ въ нѣкоторыхъ чертахъ своей фонетики подаетъ руку южнославянскимъ языкамъ.

Примѣчаніе. Ср. чеш. brada: ср. серб. слов. brada, болг. брада; чеш. твердые согласные предъ е: nebe; слоговые г, l.

Наконецъ, лужицкія нарѣчія занимаютъ промежуточное положеніе между чешскимъ и польскимъ языкомъ, а кашубскій, близко подходя къ польскому въ большинствѣ характерныхъ чертъ своихъ, нѣкоторыми своими особенностями связанъ съ былымъ полабскимъ языкомъ (каш. karo=пол. krowa, русск. корова).

Если сопоставить эти нынѣшнія соотношенія между словянскими языками съ ихъ географическимъ положеніемъ въ настоящее время и съ ихъ географическимъ положеніемъ въ прошломъ, то можно предполагать, что взаимное положеніе говоровъ словянскаго праязыка на ихъ прародинѣ было слѣдующимъ:

Говоры болгарскій, сербскій и словинскій примыкали къ южной и юго-западной границѣ словянской территоріи, и, соотвѣтственно своему положенію, носители ихъ въ послѣдствіи начали движеніе въ юго-западномъ направленіи, просачиваясь постепенно чрезъ ущелья Карпатъ въ подунайскую равнину и затѣмъ на Балканскій полуостровъ; предки чехомораванъ и словаковъ, поляковъ, лужичанъ, кашубовъ и полабянъ двигались въ западномъ и сѣверо-западномъ направленіи; предки русскихъ—на сѣверъ и востокъ. Новыя отношенія—по выселеніи изъ прародины, были, такимъ образомъ, продолженіемъ старыхъ.

Примѣчаніе. Въ IX вѣкѣ южно-словянскія племена (болгарскія, сербскія и словинскія) занимали почти весь Балканскій полуостровъ, за исключеніемъ небольшихъ полосъ, принадлежавшихъ грекамъ и албанцамъ, и почти всю подунайскую равнину; на сѣверо-востокъ, какъ и встарь, они примыкали къ русскимъ племенамъ, на сѣверо-западѣ поселенія словинцевъ доходили до Дуная, на противоположномъ берегу котораго сидѣли представители чехоморавскаго племени; надъ чехомораванами сидѣли лужичане и поляки, еще сѣвернѣе полабцы и поморяне, къ востоку отъ поляковъ русскіе; такимъ образомъ, въ IX вѣкѣ словянская территорія представляла почти сплошь замкнутый кругъ словянскихъ нарѣчій, находившихся въ томъ же отношеніи другъ къ другу, какое мы предполагаемъ для прасловянской эпохи. Ср. „Карту разселенія славянъ въ IX вѣкѣ“ Кочубинскаго 1885 г. или „Карту разселенія славянъ во второй половинѣ IX вѣка“ Флоринскаго 1907 г.

II. Единство словянскихъ языковъ по происхожденію обуславливаетъ единство науки словянскаго языкознанія. Какой бы изъ словянскихъ языковъ мы ни изучали исторически, для полнаго и яснаго пониманія

его исторических основъ и его исторической жизни намъ необходимо широкое знакомство съ остальными славянскими языками: только сравнительное изученіе всѣхъ славянскихъ языковъ можетъ рѣшить задачу научной реконструкціи ихъ общаго родоначальника,—праславянского языка, а безъ такой реконструкціи праславянской системы звуковъ и формъ нельзя освѣтить корней исторической жизни отдѣльныхъ славянскихъ языковъ.

Очень важное значеніе въ такой реконструкціи, въ сравнительномъ изученіи славянскихъ языковъ имѣетъ грамматика древне-церковно-славянскаго языка. Для того, чтобы было ясно это значеніе, нужно прежде всего выяснитъ самый терминъ—«древне-церковно-славянскій языкъ», а для этого необходимо нѣсколько остановиться на дѣятельности первоучителей славянскихъ Константина и Меѳодія, съ коей неразрывно связано самое возникновеніе этого древне-церковно-славянскаго языка.

Примѣчаніе. Дѣятельность первоучителей освѣщается цѣлымъ рядомъ источниковъ какъ славянскихъ, такъ и греческихъ и латинскихъ. Среди нихъ важнѣйшими являются такъ называемыя паннонскія житія Константина и Меѳодія на славянскомъ языкѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей однако представляющія славянскій переводъ съ греческаго (ср. Вороновъ „Кирилль и Меѳодій. Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія“. 1877). Составлены эти житія были, повидимому, въ IX или X вѣкѣ. Изданіе ихъ можно найти: житія Константина въ Denkschriften der Kaiserl. Akad. d. Wiss. phil.-hist. Cl. XIX B. 1870. Wien (Дюммлеръ и Миклошичъ); житіе Меѳодія издано Миклошичемъ также въ 1870 г.: Vita Sancti Methodii ed. Fr. Miklosich; другія изданія указаны Лавровымъ въ статьѣ „Свв. Кирилль и Меѳодій...“, въ „Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“ (подъ ред. Виноградова) вып. 2 гдѣ данъ русскій переводъ житій, а также въ предисловіи къ его собственному изданію житія Меѳодія 1898 г. (въ Чтеніяхъ въ И. О. И. и Др. Р. 1899 г.); ср. еще изданіе житій въ книгѣ Пастрнека Dějiny slovanských apoštolů Cyrila a Methoda, 1902, Praha, гдѣ текстъ ихъ данъ въ искусственно-архаизированной формѣ (ср. Ж. М. Н. Пр. 1902 г., № 8, 454 и сл.). Изъ новой литературы житій ср. Вондрака (Vondrák) Studie z oboru církevněslovanského písemnictví, Ламанскаго „Славянское житіе св. Кирилла...“ въ Ж. М. Н. Пр., 1903, Лаврова „Die neuesten Forschungen...“ Arch. XXII, 1905, Голубинскаго въ Изв. XII 2, 368—80.

Изъ общихъ пособій по кирилломеѳодіевскому вопросу кромѣ отмѣченныхъ выше работъ Воронова и Пастрнека,—изъ старыхъ—Малишевскаго (свв. Кирилль и Меѳодій, 1885 г.), Голубинскаго (Святые Константинъ и Меѳодій... 1885 г.), Гетца (Goetz) Geschichte der Slawenapostel... 1897, Ягича (Jagić) Zur Entstehungsgeschichte der kirchen-slavischen Sprache, 1900: Denkschriften d. Kais. Ak. d. W. in Wien, phil.-hist. Cl. B. XLVII.

III. Въ 863 году къ императору византійскому Михаилу II явилось посольство отъ моравскаго князя Ростислава: по словамъ житія Константина,—съ просьбой прислать ему такихъ учителей, которые бы научили его народъ христіанской вѣрѣ на его родномъ языкѣ; мораване въ это время не были уже язычниками, но, будучи обращены въ хри-

стіанство латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, имѣли богослуженіе на латинскомъ языкѣ.

Если мысль, дать народу богослуженіе и христіанскую проповѣдь на понятномъ ему языкѣ, организовать національную церковь, дѣйствительно принадлежала Ростиславу, то она была не безъ связи съ его желаніемъ уничтожить церковную зависимость Моравіи отъ нѣмецкаго епископа и его политическими планами. Впрочемъ, возможно, что мысль о словянскомъ богослуженіи, вопреки разсказу житія, не принадлежала Ростиславу, и посольство его имѣло цѣлю лишь заключить политическій и церковный союзъ съ Византіей, въ противовѣсъ такому же союзу нѣмцевъ съ Болгаріей. Ср. Златарскій «Извѣстія за българитѣ»... Сб. Н. У. XXIV, 58 и сл.; ср. Изв. XII, 2 кн. 375—6.

Моравская миссія была предложена братьямъ Константину и Меодію. Сыновья знатнаго греческаго вельможи, Константинъ и Меодій были уроженцы города Солуня, который въ ту эпоху былъ окруженъ словянскими поселеніями; житіе Меодія влагаетъ въ уста императора Михайла слѣдующія слова, обращенныя къ братьямъ: «вы оба—солуняне, а солуняне всѣ говорятъ хорошо по словянски». (кѣи ко юста солунянина да солуняне кѣи чисто словѣныскѣи бѣгѣдоуѣтъ: изд. Лаврова).

Руководящая роль въ миссіи принадлежала младшему брату Константину, который, принадлежа къ духовному сословію, въ то же время извѣстенъ былъ въ моментъ прибытія моравскаго посольства своею ученостію.

Предъ отправленіемъ въ Моравію, Константинъ, по свидѣтельству его житія, «схлосѣи писмена», т. е. составилъ словянскую азбуку и началъ переводъ евангелія-апракосъ: начеть бѣгѣдоу писати евангеліе съ св. Іоанна I, 1—25, начинается неполное евангеліе т. е. сборникъ евангельскихъ чтеній, употребляемыхъ на богослуженіи въ воскресные и праздничные дни.

Прибывъ въ Моравію, братья работали здѣсь надъ организаціей моравской церкви болѣе 3 лѣтъ, по сообщенію житія Константина,—40 мѣсяцевъ. Эта работа состояла, конечно, главнымъ образомъ въ словянскомъ переводѣ богослужебныхъ книгъ и въ подготовкѣ учениковъ, которые должны были дать первый кадръ служителей національной церкви—словянскихъ священниковъ и прочихъ лицъ духовнаго званія; для этого ихъ приходилось, конечно, обучать словянскому чтенію и письму, равно какъ и церковному пѣнію, приемамъ богослуженія и, быть можетъ, также иконописи.

Послѣ этой трехлѣтней работы братья должны были въ силу историческихъ обстоятельствъ отправиться въ Римъ: ихъ организаціонная дѣятельность въ Моравіи была, такъ или иначе, вмѣшательствомъ въ

сферу вліяння римської церкви, и по желанію ли папы, или князя, или наконецъ по собственному почину,—имъ приходилось дать отчетъ въ этой дѣятельности римскому престолу.

По дорогѣ въ Римъ Константинъ посѣтилъ словянское княжество Коцела на Блатенскомъ озерѣ, въ исторической Панноніи (между верхнимъ Дунаемъ, Дравой и Муромъ) и организовалъ здѣсь также славянскую церковь: принесть же и надоуць Коцьмъ князь паноньскыи, и къзюбъмъ белыми слоѣбъныкы книги наоучити се имъ быда до 'н' оученикы оучити се имъ (житіе Константина, XV); по національности подданныхъ Коцела, давшего Константину 50 ('н') учениковъ, должно опредѣлитель, какъ словинцевъ.

Путешествіе братьевъ въ Римъ, по разсказу житія, было удачно: словянская литургія была признана папой, и ученики Константина были посвящены въ священники, вмѣстѣ съ ними и Меоодій. Однако Константинъ въ Римѣ заболѣлъ, принялъ монашество подъ именемъ Кириллы и умеръ въ 869 году. Меоодій же возвратился сперва въ Паннонію: житіе его разсказываетъ, что объ этомъ Коцель хлопоталъ у папы; затѣмъ онъ попадаетъ въ руки архіепископа Зальцбургскаго Адалвина и епископа Фрейзингенскаго Германриха, которые заключаютъ его въ тюрьму; отсюда онъ освобождается лишь чрезъ 3 года—въ 873 году по настояніямъ папы и снова является въ Моравію, гдѣ между тѣмъ обстоятельства существенно измѣнились: Ростислава смѣнилъ на моравскомъ престолѣ его племянникъ Святополкъ, не раздѣлявшій симпатій своего предшественника къ словянской церкви. Меоодию приходится бороться съ нѣмецкимъ духовенствомъ до самой смерти—въ 885 г.

Послѣ смерти Меоодія его ученики, представители словянской церкви въ Моравіи, изгоняются Святополкомъ, словянская литургія исчезаетъ въ Моравіи и Панноніи и переносится учениками Константина и Меоодія въ Болгарію; здѣсь переписываются кирилломеоодіевскіе оригиналы богослужебныхъ книгъ, и въ то же время продолжается литературная—переводческая дѣятельность.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что занятые довольно сложнымъ дѣломъ организаціи словянской церкви въ Моравіи и Панноніи Константинъ и Меоодій не могли перевести на словянскій языкъ всего Священнаго Писанія.

Житіе Меоодія разсказываетъ, что Меоодій вмѣстѣ съ братомъ перевелъ Евангеліе, Псалтырь, Апостолъ и избранныя слоужьбы црхкыныи, а самъ онъ съ помощью двухъ священниковъ-борзописцевъ перевелъ въ 6 мѣсяцевъ весь Ветхій Заѣтъ, за исключеніемъ книги Маккавеевъ; послѣднее извѣстіе можно признать вѣроятнымъ развѣ въ томъ смыслѣ, что ими былъ переведенъ лишь сборникъ ветхозаѣтныхъ чтеній, необходимыхъ для богослуженія т. е. Паремейникъ; и дѣйствительно, дошед-

шіе до насъ древніе списки Паремейника, напр. Паремейникъ Григоровича, изданный Брандтомъ, обнаруживаютъ въ общемъ тотъ-же подборъ формъ и словарнаго матеріала, что и древнѣйшіе списки Евангелія и Апостола; но того же самаго нельзя сказать о дошедшемъ до насъ полномъ переводѣ отдѣльных частей Ветхаго Заветъа. (Иначе Лавровъ Изв. VI, кн. 1, 268 и сл.).

Такимъ образомъ, оставался просторъ для переводческой дѣятельности учениковъ словянскихъ первоучителей на новой исторической аренѣ—въ Болгаріи. Эпохой расцвѣта на этой новой аренѣ древнецерковно-словянской письменности было царствованіе болгарскаго царя Симеона (893—927 г.), которое называется золотымъ вѣкомъ болгарской литературы.

IV. Краткій историческій очеркъ возникновенія словянской письменности, данный выше, въ извѣстной мѣрѣ уже выяснилъ значеніе термина *древне-церковно-словянской*. Подъ этимъ терминомъ разумѣется древнѣйшій литературный языкъ словянскаго племени, языкъ перваго словянскаго перевода Священнаго Писанія, совершеннаго Константиномъ и Меодіемъ во 2-й половинѣ IX вѣка.

Этотъ языкъ легъ въ основу церковнаго и шире-литературнаго языка не одного словянскаго народа: отъ болгаръ словянскія богослужебныя книги, написанныя этимъ языкомъ, перешли къ сербамъ и русскимъ; сербскіе и русскіе писцы, переписывая древніе церковно-словянскіе оригиналы, вносили въ работу черты своего живого—народнаго языка, и съ теченіемъ времени получился особый церковный языкъ у русскихъ:—русскій типъ церковно-словянскаго языка и особый церковный языкъ у сербовъ:—сербскій типъ церковно-словянскаго языка; точно такъ же и на болгарской почвѣ древній церковно-словянскій языкъ не оставался неизмѣннымъ: болгарскій языкъ переживалъ новыя явленія въ области звуковъ и въ области формъ, и эти измѣненія новыми пластами ложились на древнюю систему звуковъ и формъ языка словянскихъ первоучителей.

Въ отличіе отъ такого церковно-словянскаго языка новаго типа—болгарскаго, сербскаго, русскаго,—предметъ этой книги и называется *древне-церковно-словянскимъ*. Задача ея, задача грамматики древне-церковно-словянскаго языка,—охарактеризовать и освѣтить научно, исторически литературный языкъ словянъ, какимъ онъ былъ въ первый періодъ своего существованія.

Однако данное разъясненіе предмета не вполне еще его опредѣляетъ. Остается вопросъ о народности древне-церковно-словянскаго языка, такъ-какъ единый словянскій языкъ въ IX вѣкѣ давно уже не существовалъ, а были на лицо, каждый со своими особенностями, отдѣльные словянскіе языки: русскій, болгарскій, словинскій, чешскій и т. д.

Всякій литературный языкъ въ извѣстной мѣрѣ искусствененъ.

Въ извѣстной степени искусственнымъ можно признать и древне-церковно-славянскій языкъ; если онъ не былъ чехо-моравскимъ, то играя роль органа церковной и литературной жизни, онъ долженъ былъ принять нѣкоторый отпечатокъ мѣстныхъ условий, отпечатокъ окружающей жизни въ формѣ моравскихъ словъ или укоренившейся здѣсь уже раньше церковной терминологіи латино-нѣмецкаго происхожденія.

Тѣмъ не менѣе въ его основѣ, какъ въ основѣ всякаго литературнаго языка, конечно, лежалъ вародный языкъ, лежало одно изъ живыхъ славянскихъ нарѣчій второй половины IX вѣка.

Какое же изъ нарѣчій IX вѣка лежало въ основѣ литературнаго языка Константина и Меѳодія, какова народность этого языка?

Въ настоящее время на вопросъ этотъ можетъ быть только одинъ, и вполнѣ увѣренный, отвѣтъ. Однако отвѣтъ этотъ признанъ всѣми лишь въ недавнее сравнительно время, и вопросъ о родинѣ или народности древне-церковно-славянскаго языка имѣетъ за собой длинную и сложную исторію.

Чтобы отвѣтить на него, примемъ прежде всего во вниманіе нѣкоторые историческіе моменты, уже отмѣченные въ приведенномъ выше очеркѣ дѣятельности Константина и Меѳодія.

Какъ мы видѣли выше, Константинъ уже до отправленія въ западно-славянскія области началъ переводить Евангеліе на славянскій языкъ; ни съ языкомъ Моравіи, ни съ языкомъ Панноніи онъ не былъ въ это время знакомъ. Очевидно, если вѣрить сообщенію житія, языкъ перевода былъ тѣмъ языкомъ солунскихъ славянъ, который былъ Константину знакомъ съ дѣтства, какъ солунянину. Это былъ языкъ той славянской вѣтви, которая въ настоящее время извѣстна подъ именемъ болгарь.

Во всякомъ случаѣ языкъ церковно-славянскій не есть языкъ чехо-моравскаго племени, такъ-какъ его звуковыя и формальныя особенности, насколько онѣ отражаются въ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ, совершенно не совпадаютъ съ особенностями, съ основными чертами чехо-моравскаго языка.

Остается еще одна возможность: что Константинъ и Меѳодій положили въ основу своего литературнаго языка нарѣчіе паннонскихъ славянъ. Однако такое предположеніе исторически невѣроятно: мы видѣли, что первые 3 года своей миссіи солунскіе братья посвятили Моравіи, и только чрезъ 40 мѣсяцевъ, когда необходимы на первыхъ порахъ богослужебныя книги были переведены, по дорогѣ въ Римъ посѣтили Паннонію.

Ясно, что историческія соображенія, если не прибѣгать ни къ какому искусственному и необоснованному предположенію, вродѣ того,

что княжество Ростислава въ IX вѣкѣ было населено не моравянами, а тѣми же словинцами, что и Паннонія (см. ниже примѣч.),—прямо указываютъ на словянское нарѣчіе окрестностей Солуны, какъ на народную основу церковно-словянскаго языка.

Къ тому же выводу приводятъ изслѣдователи и соображенія чисто языкового характера. Одна изъ самыхъ характерныхъ звуковыхъ чертъ церковно-словянскаго языка, какъ онъ рисуется намъ по древнѣйшимъ памятникамъ, это—сочетанія шт и жд на мѣстѣ прасловянскихъ tj, dj и kt, gt въ положеніи предъ палатальными гласными: ц.-с. *ношть*, *межда*, *скѣшта*, *рождѣтско*; въ рускомъ мы имѣемъ въ такихъ случаяхъ ч и же: *ночь*, *межа*, *свѣча*, *рождество* (*рождество*—церковная форма). Эти сочетанія шт, жд въ соотвѣтствіи съ прасл. tj, dj, kt, gt—въ то же время служатъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ болгарскаго языка, тогда какъ въ словинскомъ языкѣ на мѣстѣ указанныхъ прасловянскихъ сочетаній находимъ звуки ѣ (ч) и ј; въ древнѣйшемъ памятникѣ словинскаго языка,—такъ называемыхъ Фрейзингенскихъ отрывкахъ,—на мѣстѣ прасл. tj находимъ звукъ, выражаемый латинскою буквою с или k (напр. *uzemogoki* = ц.-сл. *къземогѣшти*).

Другія звуковыя черты церковно-словянскаго языка также вполне совпадаютъ съ діалектическими чертами болгарскаго языка; такъ буква ѣ, какъ мы увидимъ ниже, въ говорѣ Кирилла и Мееодія произносилась вѣроятно всего, какъ широкое а, звукъ близкій на слухъ къ звуку ia (я); такое произношеніе ѣ мы находимъ и нынѣ въ нѣкоторыхъ солунскихъ говорахъ, какъ указалъ въ 1896 г. Облакъ.

Примѣчаніе. Такъ произносится ѣ въ говорѣ Сухо: ср. *Macedonische Studien* Облака, 25 с.

Звукъ dz, слитный согласный, для котораго въ церковно-словянской азбукѣ существуетъ особая буква, отличающая его отъ простаго зубнаго z,—также извѣстенъ до сихъ поръ македонскимъ говорамъ.

Примѣчаніе. *Macedonische Studien*, 51 с.

Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія языковой вопросъ о родинѣ или, иначе говоря, народности церковно-словянскаго языка можетъ быть рѣшаемъ только въ пользу болгаро-македонскаго нарѣчія.

Примѣчаніе. Вопросъ о родинѣ или народности церковно-словянскаго языка былъ поставленъ въ наукѣ словянской филологіи при ея зарожденіи. Основатель этой науки, Добровскій, отвѣчалъ на него въ сущности такъ же, какъ и мы въ настоящее время, хотя и не могъ обосновать своего отвѣта, какъ твердое научное положеніе. Для Добровскаго церковно-словянскій языкъ былъ языкъ „несмѣшанный болгаро-сербо-македонскій“;—формула, которая находитъ себѣ объясненіе въ тогдашнемъ состояніи словянской этнографіи: болгаръ и сербовъ еще не различали, и терминъ „сербы“ обозначалъ въ то время всѣхъ

словянъ къ югу отъ Дуная. Неопредѣленность приведенной формулы Добровскаго искупается его основнымъ соображеніемъ при рѣшеніи данного вопроса: основатель славистики указываетъ на то обстоятельство, что Константинъ и Меодій были уроженцы полугреческаго—полусловянскаго города Солуны; слѣдовательно, заключаетъ Добровскій, ихъ словянская рѣчь была скорѣе всего языкомъ словянъ, жившихъ вблизи Солуни.

Эта вѣрная точка зрѣнія Добровскаго не нашла однако столь горячихъ послѣдователей и защитниковъ, какъ иная теорія: паннонскаго, т. е. словинскаго, происхожденія церковно-словянскаго языка,—теорія, долгое время едва ли не господствовавшая въ наукѣ благодаря тому, что защитниками ея являлись такіе крупныя слависты, какъ Копитаръ и Миклошичъ.

Уже Копитаръ въ обоснованіе этой теоріи ссылался на тотъ историческій фактъ, что Паннонія или княжество Коцела входила въ епархію словянскихъ первоучителей; въ то же время онъ подчеркивалъ присутствіе въ церковно-словянскомъ языкѣ словъ западнаго, латино-нѣмецкаго происхожденія, какъ-то: *оцатарь*, *цѣсарь*, *оцѣтъ*, (лат. *acetum*), *постъхъ* (др.-верхне-нѣм. *fasta*), *попъхъ* (др.-врх.-нѣм. *pfaffo*).

Эти слова въ составѣ церковно-словянскаго языка были въ глазахъ Копитара яснымъ указаніемъ, что языкъ этотъ принадлежалъ народу, жившему вблизи латино-германскаго міра, находившемуся въ сферѣ его вліянія. Такимъ народомъ могли быть жители Панноніи, но не болгарскіе словяне.

Теорію Копитара развилъ Миклошичъ, присоединивъ къ указаніямъ своего учителя новые аргументы.

Эти аргументы съ одной стороны имѣли въ виду доказать невозможность болгаризма церковно-словянскаго языка, а съ другой—возможность его паннонскаго происхожденія. Миклошичъ указывалъ на то, что въ церковно-словянскомъ языкѣ *х* и *ь* измѣнились въ *о* и *е*: *сонъхъ* (изъ *сѣхъ*), *день* (изъ *дѣнь*), тогда какъ въ болгарскомъ находимъ глухой *х* на мѣстѣ стараго *х* и *ь*: *мъгъхъ* (перк.-сл. *мъгъа*), *стъхъли* (ср. ц.-сл. *стъхъльникъ*, *стъхъльнъ*), *съи* (цер.-сл. *сѣхъ*, въ памятникахъ также въ формѣ *сонъхъ*).

Различіе между церковно-словянскимъ и болгарскимъ Миклошичъ видитъ и въ рефlekсахъ прасловянскихъ носовыхъ гласныхъ; въ церковно-словянскомъ они сохранялись, какъ носовые гласные (*ѣ*, *ѣ*), тогда какъ въ болгарскомъ носовыхъ гласныхъ не находимъ. Наконецъ, въ соотвѣтствіи церковно-словянскимъ звуковымъ сочетаніямъ *штъ*, *ждъ*, — указывалъ Миклошичъ, — въ македонскихъ говорахъ, къ числу которыхъ относился говоръ солунскихъ братьевъ, находимъ смягченныя *к'*, *ч'*, *г'*, *д'*.

Въ то же время Миклошичъ приписывалъ языку былого населенія Панноніи и церковно-словянское *штъ*, *ждъ* и носовые, хотя современный словинскій языкъ не имѣетъ первыхъ, а вторые не оставили никакихъ слѣдовъ въ большинствѣ словинскихъ говоровъ. Въ данномъ случаѣ Миклошичъ опирался на языкъ нынѣшняго населенія Панноніи,—мадьярскій (венгерскій), въ которомъ находимъ заимствованныя изъ словянскаго слова со слѣдами бывшихъ носовыхъ гласныхъ и сочетаній *št*, *žd* (*штъ*, *ждъ*): *galamb* (ц.-сл. *голаѣмъ*), *rend* (ц.-сл. *раѣдъ*), *pentek* (ц.-сл. *пѣтъкъ*), *Pest* (произносится, какъ *pešt* т. е. Пешт, названіе города; ц.-сл. *пѣшть*, русск. *печь*), *rozda* (произносится, какъ *rožda*, ц.-сл. *рожаніе*, производное отъ *розга*).

Ко всемъ этимъ соображеніямъ Шафарикъ, первоначально бывший сторонникомъ болгаризма церковно-славянскаго языка, а позже примкнувшій къ Миклошичу, присоединилъ еще одно указаніе: въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскаго языка онъ находилъ цѣлый рядъ такихъ словъ, которыя въ настоящее время встрѣчаются лишь въ языкѣ словинскомъ, въ чешскомъ, да въ нарѣчіи хорватскаго Приморья, жители котораго представляютъ потомковъ паннонскаго населенія, бѣжавшаго сюда послѣ нашествія мадьяръ. Слова эти, на которыя ссылался Шафарикъ, слѣдующія: **локка** (дождь), **отхлѣкки** (остатокъ), **рѣкнота** (истина), **баани** (врачъ), **натроути** (напитать), **ашоути** (напрасно), **банжика** (родственникъ), **братрх** (братъ), **година** (часъ), **отокх** (островъ), **спигти** (напрасно), **крѣжъ** (крестъ), **кмотрх** (кумъ) и др.: изъ нихъ **hodina**, **bratr**, **kmotr**—находимъ и нынѣ въ чешскомъ языкѣ; **братрх** встрѣчаемъ также въ древнѣйшемъ словинскомъ памятникѣ—Фрейзингенскихъ отрывкахъ; **спигти**—также содержится въ чешскомъ имени *Spytihněv*; выраженію **ашоути** соответствуетъ др.-чеш. *ješutný*, **локка** часто встрѣчается, какъ названіе мѣста и озера, въ Хорватіи и Крайнѣ, **ОТОКХ** находимъ у словинцевъ и жителей Приморья; **рѣкнота**—въ словинскомъ.

Въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ текстахъ употребляются прилагательныя **небескхъ**, **земскхъ**, а не **небесньхъ**, **земньхъ**, и эти образованія по мощи суффикса—**ьскхъ** и до сихъ поръ преобладаютъ у словинцевъ, хорватъ и чеховъ (напр. чешск. *nebeský, zemský*).

Аргументація паннонистовъ была бы неполна и даже теряла бы все свое значеніе, если бы они помимо всего вышеуказаннаго не отвѣтили на одинъ, весьма существенный, вопросъ: какъ могли солунскіе братья переводить богослужебныя книги на языкъ словинскаго населенія Панноніи для моравянъ, среди которыхъ они провели первые 3 года слишкомъ своей миссіи?

Это существенное препятствіе для паннонской теоріи должно было устранить гипотеза нѣмецкаго историка Дюммлера, что въ эпоху Кирилла и Мефодіа не только Паннонія, но и противоположный, лѣвый берегъ Дуная были заняты предками словинцевъ, что нынѣшнее населеніе этой мѣстности, чехо-моравское, пришло сюда позже.

Эту гипотезу Миклошичъ стремился поддержать слѣдующими указаніями: въ латинскихъ источникахъ X вѣка встрѣчается имя моравскаго князя *Zuen-tibaldus*, первая часть котораго (словянское **свѣтъ**—**сѣлатъ**) указываетъ на сохраненіе въ ту эпоху въ языкѣ моравскихъ словянъ носовыхъ, тогда какъ въ чехо-моравскомъ носовыхъ не находимъ (*svatý*—**свѣтъ**). Отсюда выводъ: въ Моравіи въ X в. жили не чехо-мораване. Второй аргументъ: словаки, живущіе къ востоку отъ моравянъ въ сѣверной Венгріи, и нынѣ называютъ свою страну *Slovensko*, а свой языкъ—*slovenský*.

Таковы доказательства, приводившіяся паннонистами въ пользу своей теоріи. Историческая гипотеза Дюммлера, мадьярскія заимствованныя слова, да невѣрныя ссылки на болгарскій языкъ были главными основаніями паннонской теоріи.

По мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ изученіе болгарскаго языка, теорія эта теряла подъ собой твердую почву, причемъ особыя заслуги въ дѣлѣ этого изученія принадлежать Облаку, родомъ словинцу, какъ и Конитаръ и